

Языки, археологические культуры и старые гипотезы

[Лев Клейн](#)

С большим интересом и увлечением прочел отличный доклад Анны Владимировны.

Прежде всего меня вдохновили ее выводы лингвиста о безусловном отказе от «курганной гипотезы» Марии Гимбутас, от ямной культуры как предковой для всех индоевропейцев (или для части европейских народов) и от степного их происхождения. Старая и многократно критикованная, гипотеза эта ныне приобрела непомерный вес из-за поддержки со стороны генетиков (Naak et al 2015; Allentoft et al. 2015) вопреки упорному отказу археологов, придерживающихся других концепций (не «курганной гипотезы»), признавать ее достоверной. Я тоже не раз выступал с ее критикой уже после выступления генетиков (ряд мои статей есть и на этом сайте http://генофонд.рф/?page_id=1044, http://генофонд.рф/?page_id=3921, http://генофонд.рф/?page_id=4424). Независимое мнение видного лингвиста очень важно в этом плане.

Генетики с несомненностью установили существенное сходство между культурами шнуровой керамики и ямной в их генофонде. Генетика точная наука, и эти факты отныне – материал для дальнейших исследований. Но их трактовка как свидетельство миграции ямной культуры и порождения из нее всех культур шнуровой керамики мне представляется недостаточно обоснованной и, возможно, ошибочной.

Дело не только в том, что ямная культура по времени далека от распада индоевропейского праязыка (минимум на тысячу лет) и не в том, что ямная культура и культуры шнуровой керамики в основном одновременны (первая половина III тыс. до н. э.), но и в том, что культур с ямными погребениями под курганами в степях минимум две – ямная (на востоке) и буджакская (на западе – от Прута до Дуная), а все конкретные попытки установить воздействие степняков на Европу в раннебронзовом веке связаны с буджакской культурой и ее карпато-дунайским ответвлением, тогда как анализы ДНК, на которых покоится поддержка степной гипотезы Гимбутас – Мэллори – Этнони, производились только по образцам ямной культуры Поволжья, которая не имеет решительно никаких археологических свидетельств связей с культурами территорий Венгрии и Германии.

Об ошибочности толкования обнаруженных сходств генофонда как происходящих из миграции говорит и парадоксальное распределение выявленного «ямного» компонента в позднейших культурах Европы: он обильно представлен на севере Европы – в Скандинавии, менее заметен в ее центре и вовсе слаб на Дунае, рядом с европейским ареалом степных курганов (степные курганы имеются на равнинах Венгрии, Сербии, Румынии и Болгарии). Если массовая миграция ямной культуры была бы реальностью, то градиент убывания был бы прямо противоположным. А так остается предполагать источник этого компонента ямной культуры и культур шнуровой керамики где-то на севере.

Еще одна команда генетиков выявила возможность фиксирования миграций по выявленным гаплогруппам (см. [обзор статьи на сайте](#)). Для начала бронзового века они как раз выявили вспышку миграционной активности гаплогруппы R1b, связанной с ямной культурой. Но это оказалась не та клада R1b, которая характерна для ямной культуры (Z2103), а другая (L11). А та, что в ямной культуре, как раз миграционных вспышек не дает.

Еще более разительный результат получен опять же командой Д. Райха (инициатора первых сенсаций о ямной культуре). Они проследили генетические связи многих популяций Европы (см. [обзор статьи на сайте](#)). Особенно они надеялись найти ключ к ямной культуре в кавказских (армянских) популяциях. Оказалось, что армянские популяции по связям вообще в стороне от европейских узлов связей, а вот у степняков раннего и среднего бронзового века оказалась мощная генетическая связь (57%) с восточными охотниками-собираателями, у которых почти столь же мощная связь (43%) оказалась со скандинавскими популяциями. А это означает, что степняки раннебронзового века и скандинавы состоят в сильном родстве, что и согласуется с предположением, что общий источник – где-то на севере, в районе Балтики.

Переходя к праиндоевропейскому словарю, мне представляется, что идея Анны Владимировны о нестепном ландшафте прародины обоснована, но вывод о горной местности требует проверки и уточнения. Те лексемы, которые послужили для этого основой (связанные с камнями и их конгломератами, допускают и иное толкование: не только горные местности (которыми изобилуют Анатолия и Закавказье), но и послеледниковый рельеф Центральной и Северной Европы (я об этом уже писал).

Перечень народов, который приводит А.В., мне кажется, стоило бы дополнить этносами, возможно, не титульными на карте РФ и вообще не официально представленными, но живыми в сегодняшней реальности. Среди ираноязычных народов у нас есть не только таты и осетины, но и таджики, которых в одной Москве больше, чем татов во всей России. Стоило бы назвать и индоариев – цыган.

Из археологических культур, претендующих на связь с ираноязычными народами, упомянута срубная культура, но совершенно выпали андроновские — вероятно, потому, что они подозреваются в индоарийской этничности, но на мой взгляд на эту роль скорее должны рассматриваться катакомбные культуры.

Насчет культур, которые А.В. рассматривает, как связанные с первобытными славянами, у меня большие сомнения. Все эти культуры – поморская, пшеворская, зарубинецкая, да и черняховская – по духу абсолютно неславянские. Я понимаю, что А.В. следует за археологическими светилами недавнего прошлого, прошлого века – Рыбаковым, Третьяковым, Седовым, у которых были свои представления о славянском этногенезе: он должен непременно сохранять славян на той территории, где они сейчас живут. О сторонниках других взглядов Третьяков прямо писал: «Они хотят отнять у славян их родину». При таких установках, их объективность неизбежно становилась очень ограниченной. Они, так же как их польские коллеги, строили концепции о местном происхождении славян и их последующем распространении из этого очага. Только у польских археологов очаг был в Польше, а у советских – в пределах СССР, на Украине. Некоторые советские археологи (М. И. Артамонов, В. В. Седов) согласились с поляками и выводили всех славян из Польши (это рассматривалось как смелость и фронда).

Только некоторые молодые археологи еще в советское время стали критиковать эти концепции, видя в них массу изъянов, а после падения советской власти эти критики создали собственные концепции и школы, гораздо более осторожные и объективные в выводах — в Польше Годловский и др., в России Щукин и др.

Мне представляется, что все культуры погребальных урн (а речь идет о них) – не славянские. Это культуры не горшков, а мисок и блюд, это культуры фибул и бритв, культуры мечей и умбонов. Славяне же и позже (до IX века) не имели мечей и металлических щитов (их оружие было другим), не брились (очень почитали бороды), женщины их не носили платьев на фибулах, их пища была типа каш и щей (похлебок), а пища германцев и кельтов состояла из твердых блюд с запиванием жидкостями из кружек (кубков). Да и письменные источники знают на всех землях, где размещены эти культуры, германцев (лугиев, вандалов, бастарнов, готов).

Славян, вероятно, нужно искать севернее, ближе к балтам. Нас могут спросить, не унижительно ли для славян, что на территории их нынешних государств жили в древности германцы? Ни в коей мере. Так же, как для немцев не унижительно сознавать, что чуть не вся территория Германии – вплоть до бассейна Эльбы, — была в раннем средневековье славянской.

Жаль, что в докладе мало затронуты северокавказские языки, это значительная группа в Российской Федерации. Но доклад и без того широк, подытоживает состояние науки в целой отрасли и стимулирует мысль.